

Третье интервью с Галиной Антоновной Адасинской (запись 16.05.05, корреспондент Татьяна Косинова)

– Галина Антоновна, скажите, пожалуйста, а ваши воспоминания когда вы писали?

– В смысле?

– В какое время? В какие годы? В конце 80-х?

– Да. До 90-го года. Пока не умерла моя дочка, я писала. А потом, когда умерла Олечка, я перестала этим заниматься.

– Понятно. А вот скажите еще, пожалуйста, в тот момент, когда... после ареста вашего отца ваше дело разбирали на комсомольском собрании, вы сами писали какое-то заявление в комитет комсомола? Да?

– Да.

– А такие были правила?

– Такие были правила.

– А что в этом заявлении нужно было писать?

– «Настоящим ставлю вас в известность, что такого-то числа арестован мой отец такой-то». Всё. «... разобрать мою дело.»

– Так поступали все, у кого родители были арестованы?

– Все.

– А скрыть этот факт было невозможно? От комитета комсомола.

– Во-первых, это было непорядочно. Мы были честные ребята. Нет, конечно.

– А вот того мальчика, который вас защищал, вы его помните?

– Я не помню совершенно. И я встречала кое-кого из наших сверстников, из моих сверстников. Никто не помнит, кто это был. Потому что потом была война и 90% выбило всех. Не знаю, кто это был.

– А он рисковал, этот мальчик, когда выступил в вашу защиту?

– Конечно.

– Сильно рисковал, да?

– Очень рисковал.

– А что могло с ним быть... вот за такое выступление?

– Исключить из комсомола.

– Не только вас, но и его?

– Да.

– Но вас тогда не исключили из комсомола?

– Нет.

– А всё собрание должно было голосовать за исключение?

– Да.

– И всё собрание проголосовало за то, чтобы вы остались, да?

– Да. Все ребята... И когда меня арестовали комсомольский билет у меня был в сумочке с собой. И следователь не мог поверить, что я комсомолка.

– А это было важно для вас – быть комсомолкой?

– А что значит важно или неважно?

– Ну, для кого-то это была формальность... Кто-то вообще не вступал в комсомол...

– В моё время все вступали в комсомол.

– Кого-то не принимали.

– Да нет, всех принимали...

– Вы хотели быть комсомолкой, да?

– Слушайте, вот я удивляюсь... Провокационная линия в ваших вопросах. Зачем вам это знать? Хотела я – не хотела? Ну, какая разница? Я была комсомолка. Я была... Как это сказать... комсомольскую организацию своего класса возглавляла... И во всяком случае я к этому относилась вполне серьезно.

– Ну хорошо. Для меня это важно понять. Потому что были люди, которые не стремились в комсомол.

– Не знаю...

– Вы понимали, что значит..., что ваши ребята, ваши одноклассники понимали, что всё это направлено против руководителей..., вот такая линия?

– Против кого?

– Против руководителей комсомольских и партийных, когда ребята за вас заступались?

– Ох! Не могу я слушать эти ненужные, дурацкие вопросы. Не нужно этого. Это совершенно их не задевало... И меня тоже.

– Вы боялись этого собрания?

– Нет. Я вообще ничего никогда не боялась. Я была смелая девочка.

– Если бы вдруг исключили из комсомола, это же было бы большим переживанием, наверное?

– Наверное.

– Среди ваших одноклассников были ребята, которых исключили из комсомола?

– Кто-то был... Но я даже сейчас не помню... кого именно.

– Потом, когда вы уехали в ссылку и поступили на работу в библиотеку, там знали, что у вас арестован отец, что вы ссыльная?

– Да конечно.

– Об этом нужно было писать в анкете?

– Да.

– При поступлении, да?

– Да.

– Но вас всё равно приняли, да? Вы это написали, а вас приняли?

– Да.

– Какие были перспективы для вас в этой работе, в учебе? Кем вы могли стать? Кем работать?

– ... (Вздыхает.)

– О карьере вы не думали совершенно, да?

– Нет. Какая там карьера... Интересно. Я... Это уже после Сибири, после ... возвращения я бродила по Ленинграду в поисках работы и везде же надо было заполнять анкеты в то время. Вот. И как только я доходила до пункта о том, что мои родители были репрессированы, мне тут же отказывали от работы, пока я не дошла до завода Кулакова, это здесь вот, рядом с нами. Сажу в отделе кадров. Пожилая женщина-начальник отдела кадров. Я даже не стала просить у нее анкету, взяла эту свою, которую я с собой таскала, положила перед ней. Она так глянула одним глазом и убрала. И мы с ней продолжаем говорить. И она при мне звонит главному бухгалтеру этого завода, Лидия Андреевна, такая..., спрашивает: - Нам нужны бухгалтера? И та, видимо, отвечает положительно. Она говорит: - Вот у меня тут сейчас сидит бухгалтер. И говорит мне: - Завтра приходите за пропуском. Я говорю: - А вы мою анкету прочитали? Она говорит: - Это нам безразлично. А потом я узнала, что в Ленинграде было несколько заводов, на которые не распространялся этот вот запрет... принимать на работу людей с порочными данными. Это она мне сама рассказала. И в том числе вот этого Кулакова.

– А что это был за завод? Что на нём делали?

- Это военный завод. Почтовый ящик 499. Военный завод.
- А почему так сложилось, вы не знаете? Она не объясняла вам?
- Нет. Нет. Просто потому что, нужно же было людей куда-то девать... Люди же, в конце концов, не виноваты..., что кто-то где-то у них когда-то там сидел. А на этом заводе... Не буду врать, не помню сейчас точно... Но что-то там какое-то оборудование для... Как их называют...? Для морских всяких... В общем, неважно.
- А вы же тогда сами тоже были в лагере, и это тоже их возмущало, то, что вы сами тоже из лагеря, да?
- Да. Вот представьте себе, какие бывали в то время... анекдот просто...
- А долго вы искали этот завод?
- А?
- Долго вы искали работу?
- Я бы не сказала, что долго. Пару дней я походила... Потом вижу, что всё это... Я пыталась устроиться в ГИПХе. Знаете, это большой институт. Там тоже висело объявление «Требуется бухгалтер». Я пришла туда и говорю, там девушка-секретарь..., говорю: - У вас требуется бухгалтер? Она говорит: - Да. Я говорю: - Вот я бухгалтер. Я бы хотела к вам поступить на работу. Она берет телефон, звонит куда-то, и говорит: - Тут бухгалтер пришел. И откуда-то из глубины здания бежит..., буквально бежит, немолодой человек. Подбегает ко мне, говорит: - Вы бухгалтер? – Бухгалтер. – А авансовые отчеты умеете обрабатывать? Я говорю: - Умею. – Пишите заявление о приеме. И я написала. И... Я написала... А просто добавила к этому...
- Справку об освобождении?
- А?
- Справку об освобождении из лагеря? Или...?
- Да нет. Это было даже не важно. В общем, снова как будто бы заполнила эту анкету. И... Мне тоже говорят: - Приходите завтра... за пропуском. И я пошла. Иду... А мы жили в соседнем доме... Поднимаюсь по лестнице и вдруг слышу за собой - топ-топ-топ – кто-то торопится, бежит. Я оглядываюсь, смотрю, это девушка-секретарь. Она догнала меня и говорит: - Вы знаете, у нас тут такие изменения... К нам приехал с курсов сотрудник, которого мы направляли раньше, чем вы к нам пришли... И поэтому у нас сейчас нет нужды... в новом человеке. Отдайте мне, пожалуйста, ваше заявление, анкету. Я ей отдала, и она побежала вниз. А я, конечно, поняла, в чем дело. Я возвращаюсь... там, где мы разговаривали с местным начальством... Я возвращаюсь туда, и говорю, что я прекрасно понимаю, в чем причина вашего отказа мне в должности. – Да, вы знаете, вот такое совпадение... Мы хотели вас принять., а тут наш бывший сотрудник вернулся. Я говорю: - Не нужно делать из меня дурочку... Я всё понимаю. – Мы вам поможем устроиться куда-нибудь. – Спасибо. Не нужно. Я как-нибудь сама. И я пошла. И дошла до Большого дома на Литейном, знаете? Дошла. И ужасно удивилась. Там всегда закрытые двери и стояли вооруженные охранники. А тут двери открыты, никого нет, и я заглядываю, там сидит какой-то человек за столом, говорит: - Заходите, заходите. Что вам нужно? Да я, - говорю, - тут насчет работы. – А-а, это комната такая-то..., второй этаж. И он мне назвал, куда идти. Я пошла. Дошла до этой комнаты. И тоже – никакой охраны, ничего! Я еще удивилась, думаю, какая свобода настала. И, значит, сидят какие-то два очень приличных молодых человека. Увидели меня и говорят: - Заходите. Вы что хотели? Я говорю: - Да вот. Насчет работы. Мне вот тут в одном месте отказали... - Как отказали? Ну-ка, расскажите. Я рассказываю. Рассказываю опять эту всю историю. И они между собою говорят: - Это безобразие! Мы туда позвоним. Всё переменится. Вас примут... и будете спокойно работать. Конечно, никто никому не звонил. Но такие... Быстро очень менялись... всякие... Как это назвать...?

- Правила?
- Да...
- А скажите, это какой год был?
- 1960. 1960 год...
- А до этого вы жили в Сибири, да?
- Да.
- Да, интересно... А еще у меня два вопроса есть, хорошо?
- Пожалуйста.
- Скажите, пожалуйста, вот в тех письмах, из-за которых вы, собственно, пострадали..., помните, вы рассказывали об этом, писали... Вот скажите, вы понимали, что в них написано то, что может быть для вас опасно, в принципе, в будущем?
- Что тот, кто мне писал...
- Нет. Не то, что кто вам писал... А то, что хранить эти письма опасно, то, что, в принципе...?
- Я об этом совершенно не задумывалась.
- Не задумывались?
- Совершенно даже. И не придавала этому никакого значения.
- А почему вы их хранили?
- А вообще я все письма хранила. У меня не было привычки выбрасывать письма.
- И с этими письмами у вас даже не было мысли ни разу, что их надо уничтожить?
- Нет.
- А там же было вроде написано, что их надо уничтожить?
- Да. Да, да.
- Несмотря на это, вы всё равно их не уничтожили...?
- А я всё равно не хотела...
- И не было мысли, что это какая-то крамола..., что это может повредить...?
- ... что это провокация.
- Не было мысли?
- Увы, нет.
- А потом вот эти ваши привычки хранить письма так и сохранились на всю жизнь? Это никак не повлияло на будущее?
- Нет.
- То есть вот этот опыт не привел вас к мысли, что надо быть более осторожной?
- Я не считала, что это какая-то неосторожность. Я считала, что совершенно естественно: тебе пишут письма – пожалуйста, их береги.
- А вот эта ваша подруга, с которой вы переписывались и которая устроила такую провокацию, вы с ней потом встречались?
- Нет.
- Никогда?
- Никогда.
- То есть вы не знаете, как сложилась её судьба потом?
- Ничего не знаю.
- И еще вот что я хотела бы узнать. О дружбе в лагере.
- О дружбе...?
- ...в лагере. Вот она чем-то отличалась особенным, лагерная дружба? Связи дружеские, которые возникали в лагере?
- Конечно, лагерная дружба, это была совершенно другая категория отношений.
- А вот, что отличало эту дружбу, лагерную?

- Что отличало...
- Качество дружбы в лагере?

– Мы очень ценили отношения лагерные друг к другу... Очень ценили... И каждый вечер мы собирались в клубе. Там у нас был клуб. Рассказывали что-то друг другу, пели... Очень много пели... Много было музыки... А потом, когда уже... Нас там было несколько человек... моих друзей, такая была маленькая компания, четыре человека. И среди них был один Леонид Линдберг. Вот... Он прекрасно играл на гитаре, и у него был приятный очень голос – пел замечательно. И вот он пел танго «Недотрога»..., такое было... Это был его коронный номер. И прошло много лет... И как-то мы встретились... Нет. Мы переписывались. Это надо начинать с самого начала. В общем, мне снится сон в лагере, что этот Леонид пригласил меня к себе на день рождения. И я иду к нему и несу пучочек вербочки пушистинькой. Иду..., у меня такое настроение... Поднимаюсь на крыльцо к его комнате и... помню это значит так... Входишь в комнату... Довольно-таки она длинная, узкая комната..., и в правом углу окно и оттуда льётся солнечный свет, и в этом свете пылинки видны... В общем, я посмотрела этот сон. Вернулась в барак. А у нас была такая своя старушка, которая разгадывала сны. Я побежала к ней и говорю: - Вот такой сон. Что это такое? Она говорит: - Он освободится. Я говорю: - Этого быть не может! Он сидит по военной статье, за измену родине. Его никто не освободит. Это было где-то в конце февраля. А в марте месяце его освободили, действительно. И прошло очень много лет, и я встретила... Он - Юркевич, воспоминания которого есть у вас от меня. Встретила Юру. Уже никаких лагерей, ничего. Встретила его в Москве на Тверской. Он говорит: - А ты знаешь, где я... – Конечно, нет. Он работает главным инженером, и называет завод какой-то. Я прихожу домой, сажусь за телефон... Узнала номер телефона этого завода и его главного инженера. Звоню. И спрашиваю: - Можно Леонида Федоровича? У него такой был очень приятный, мягкий, бархатный голос. - Я вас слушаю. Я говорю: - Леонид Федорович!. Это Галя Адашинская. Он говорит: - Простите, запомнил. Он меня не вспомнил. Я: - Ну как же, Леонид Федорович. Помните, первый, пятый. И вдруг там такой вопль... На весь кабинет у него: - Галочка! Где вы?! Я говорю: - Да тут недалеко от вас. – Сидите. Никуда не уходите. Я сейчас приду. И он прибежал. А его завод был рядом. Вот. Мы встретились... Господи! Мы оба так плакали. Это прошло... Сколько же лет...? Много лет... И потом говорит: - Знаете, здесь так неуютно, пойдёмте в ресторанчик. На Большом проспекте. Он назывался... Не помню уже... - Пойдёмте туда, посидим. Мы пошли в этот ресторан. А там маленькие столики на два места. Тут два и тут два. Сели за такой столик. И через пять минут к нам подбегает молодая приятная женщина и говорит: - Можно мы у вас посидим. Она говорит: - Я вижу, что вы только вдвоем. А то, - говорит, - мы не можем нигде сесть, к нам сразу начинают приставать. Леонид говорит: - Пожалуйста. И вот они сели против нас. А мы про них начисто забыли. Мы вспоминали наше... Было, что вспомнить... И он там, в этом ресторане, пел мне эту «Недотрогу». Это было восхитительно. Потом еще... пару раз с ним встретились. Но на этом наши встречи и кончились. Мы где-то встретились... Это когда я была в Рыбинске в ссылке еще... Я работала там в библиотеке и среди моих читателей были братья Ланские. Я поняла, что это из этой самой семейки... Очень милые, интеллигентные люди. Вот. И у них с собой... Их гоняли из ссылки в ссылку. У них с собой был большущий чемодан битком набитый с их точки зрения очень нужными бумажками. Оказывается, отец, старик, который возглавлял семью он был директором лицея, в котором Пушкин учился. Малиновский. Вот, и когда они после всяких мытарств наконец вернулись в Ленинград, они этот чемодан полный всяких интересных бумажек отнесли в Пушкинский дом. Там им так обрадовались! Так благодарили. И подарок сделали им: подарили громадную, в половину телевизора,

китайскую вазу, большую, массивную, расписную всю... А им дали квартиру где-то в районе Благодатной улицы... В общем, квартира – две малюсенькие комнатухи... А за это время дочери выросли. У дочерей появились свои дети, внуки, значит. Ну, короче говоря, густо населенная семья. И вот они должны были ютиться в этих двух комнатках рядом с этой огромной китайской вазой. Ой! Смешно было ужасно... Я там бывала несколько раз. Они милые люди очень...

– Это со времени Рыбинска вы сохранили с ними связь, да?

– А?

– Вы переписывались? Или как вы сохранили с ними связь?

– Нет, не переписывались.

– Вы как-то нашли их, когда уже вернулись в Ленинград, да?

– Да.

– А скажите, то что вашим мужем тоже стал бывший заключенный, в этом есть какая-то закономерность? Вам с заключенным было проще? С человеком, который сидел? Или просто так сложилось?

– Он освободился раньше, чем я. И потом у него уже своя жизнь там началась. С ним встретились уже много лет спустя.

– А с дочкой он не поддерживал отношения?

– Нет.

– А почему?

– Сказал: - Я лишен отцовских чувств. Он прислал пару посылок ей. Детские вещички хорошенькие... А потом... совершенно... Разъехались мы. И встретила я его только уже много лет спустя... Он работал главным дирижером в цирке..., нашего, ленинградского. И я случайно, шла мимо, увидела эту афишу, и он дирижер. Я пошла в цирк. И купила себе билет так, чтобы рядом оказаться с оркестром. Он меня увидел со своего дирижерского места. Помахал мне рукой. Потом перепрыгнул через барьер, и мы с ним хорошо поговорили. Я была пару раз у него в гостях дома. Но он уже был очень болен. У него был диабет, потерял зрение... Вот. Он умер лет через 15-18 после того, как мы вернулись в Ленинград. Уж точно не помню теперь...

– А вы его искали, когда еще были в ссылке?

– Что?

– Вы его искали, писали? Как-то пытались узнать, где он?

– Нет.

– А почему? Вы плохо расстались?

– Мы плохо расстались. Он завел себе другую семью...

– Еще в лагере?

– Нет. Здесь уже.

– А ваш брак не был зарегистрирован, да?

– Что?

– Ваш брак не был зарегистрирован?

– Нет. Какая регистрация в лагере...

– А потом... Когда вы вышли замуж второй раз? Уже в Ленинграде?

– А за кого я вышла...? (Смеется.) Я не помню...

– А вы не были замужем?

– Нет.

– А сын родился уже в Ленинграде, да? [Сын Г.А., Антон Адасинский, актер, основатель театра «Дерево».]

– Сын?

– Да.

– В Сибири. Они заполняли анкеты, ребятишки, в первом классе. И там был вопрос: «национальность». И Антошка написал: «сибиряк».

– А его отец тоже был из ссыльных?

– Нет. Он не был в лагере. То есть может быть когда-то и был... Но мы с ним познакомились, когда он был в ссылке. И он заболел, и у нас была очень хорошая врач, Наташенька. Она мне сказала: - Ему долго не прожить. И он умер. В 1959 году.

Тромбоэмболия сосудов головного мозга.

– А как его звали?

– Станислав. Но как-то все привыкли его звать: Саша, Саша... И так он и был – Александр Станиславович. А надо было наоборот.

– А фамилия его?

– Литвинович.

– А где это было? В каком месте в Сибири?

– В Красноярском крае...

– А где? Далеко от Красноярска?

– От Красноярска это километров 140... (конец ст. А)

Ст.В ...До Красноярска вы добирались по Енисею?

– А?

– До Красноярска по Енисею добирались?

– Нет. В автомобиле. Там оживленное было сообщение.

– Хорошо. Устали вы, да, Галина Антоновн?

– Мне чего-то... пересыхает всё время...

– А вот на этой фотографии кто? [на книжном шкафу новая фотографии женщины средних лет]

– Дочь. Олечка. (конец записи)